

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ КУЛЬТУРА: СТАН І ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВІЦЦА

*А. И. Смолик,
д-р культурологии, проф.,
зав. каф. культурологии БГУКИ*

КУЛЬТУРА КАК ДИАЛОГ

Говоря о современной культуре, ее проблемах, мы, разумеется, используем различные методологические основания, концепции, которые возникли в XIX–XX вв., а также современные культурологические и философские категории: глобализация, идентификация, коммуникация, диалог и др. Многие из них слуху и порой используются к месту и не месту. Так, В. Библер, ведший в течение нескольких десятилетий семинар «Диалог культур», опасался превращения строго понятия «диалог» в расхожее словцо, использования его не по назначению. Термин «диалог» ввели в научный оборот представители диалогической философии М. Бубер, Ф. Эбнер, М. Бахтин, А. Мейер. В философии культуры им оперировал В. Библер, ключевым оно было в концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса и К. Апеля.

В. Библер рассматривал идею диалога как адекватную формы бытия в культуре, форму общения культур, форму понимания культуры. «В напряженное внеисторическое нравственно-поэтическое общение – общение в нашей душе – отмечал В. Библер, – вступают образы личности» [2, с. 7–8].

М. Бахтин в своей гуманитарной концепции мышления в диалоге сделал иной акцент. Его диалогический характер мышления был ориентирован на художественный текст и межтекстовое общение. Культура для М. Бахтина совершается в глубинах сознания субъекта культуры, являясь основанием для его постоянного внутреннего самоизменения и выражая себя в произведениях – объектах [1, с. 105]. Таким образом, М. Бах-

тин и В. Библер говорили не о новом изобретении диалога, а том, что он уже происходит. Нужно лишь сосредоточенное внимание к его пониманию.

В культурологии широко известны подходы к пониманию диалога Б. Кроче, П. Бицилли, Ю. Кристевой и др.

В настоящее время в гуманитарных науках диалог рассматривается как взаимоотношения различных культур и их субъектов. Современная мировая, в том числе и белорусская, культура представляет собой незамкнутую модель, которая характеризуется специфической особенностью – все время выходить за свои пределы. В ней постоянно происходит пересечение многообразных структур, что, кстати, является основным механизмом ее культурной эволюции и саморазвития. В самой культуре происходит непрерывный диалог между ее видами, формами, элементами, культурой и не-культурой. Следствием такого диалога является *культурная идентификация*, т. е. самоощущение человека внутри конкретной культуры, понимание субъектами культуры уникальности собственных культурных ценностей, языка, обычаев, традиций. В современных условиях культурная идентификация претерпевает большие изменения. Контекст рождения, на протяжении многих веков предопределявший характер и форму культурной идентификации, сегодня уже не довлеет над индивидом. Несмотря на то, что он приходит в мир как член определенной семьи, воспитывается в конкретно-исторической традиции, выбор культурной идентичности становится все более широкой практикой. Формы культурной идентичности становятся все более кратковременными, мобильными, ситуационными, гораздо в меньшей степени предопределяя последующую жизнь человека. Повсеместной нормой выступает сегодня возникновение новых культурно-идентификационных групп, которые функционируют в качестве субкультурных образований. Это во многом объясняется не столько глобализационными процессами, сколько диалогической природой самой культуры.

Большинство культурологов мира склонны считать, что культура существует в двух основных формах: материальной и духовной. Правда, высказываются мнения, что нельзя делить культуру на указанные формы, ибо все артефакты культуры включают в себя как духовные, так и материальные аспекты. С другой стороны, в научный оборот недавно введено понятие

«нематериальная культура». Мы придерживаемся точки зрения, что мир культуры состоит как бы из единства двух сореальностей: мир внешний (относительно человека), мир внутренний (личный). Первая реальность и есть материальная культура, а мир внутренний образует духовную культуру. Следовательно, субъекты *материальной и духовной форм культуры* находятся в состоянии диалогического мышления. Они переосмысливают, переживают ценности, идеалы, значения названных форм культуры, идентифицируют свой внутренний мир с ними. Если это происходит, то субъект культуры преодолевает материальный внетворчески-определенный характер, формы, ее вещьность, становится существом духовным, живущим в напряженно ценностно-психологической атмосфере. Человек здесь выступает ядром культуры, и в ней, через нее все человеческие устремления обретают реальность. И. Кант, определяя назначение человека, писал, что природное назначение человека – высшая культура. Она возвышает человека до общечеловеческой миссии, делает его готовым к восприятию духовных ценностей, высвобождает его духовную энергию, спасает от будничного. На наш взгляд, основополагающая роль духовной культуры заключается в том, что она задает человеку идеалы, примеры для подражания, символы, образцы поведения, понятия о добре и зле, плохом и хорошем поступке. Культура является источником духовности, эталонов социализации и базовых социальных черт (язык, ценности, картина мира, нормы жизнедеятельности), ориентирует человека на общественно одобряемые качества, модели деятельности. Духовность нельзя «выучить», как таблицу умножения, заимствовать, присвоить. Она вырабатывается «изнутри» интеллектом, чувствами, а главное – деятельным участием человека в жизненных ситуациях, в которых он сталкивается с «внешними» (объективированными в культуре) формами духовности. И ощущается им как сила, что не только наполняет жизнь страданиями и радостями, надеждами и отчаянием, болью и наслаждением, но и придает им смысл, объясняющий и оправдывающий, соединяющий все их многообразие в единое целое, которое можно назвать Личностью.

Вместе с тем существует и другая сторона культурного диалога, когда материальная культура не хочет слышать духовную. Изменения в материальной жизни общества опережают

трансформацию духовной культуры. Это приводит к постоянному несоответствию между развитием материальной и духовной культуры, и в результате значительная часть субъектов общества идентифицирует себя с цивилизацией, где господствует техницизм и сциентизм, бездушность, а на смену творчеству и развитию приходит бесплодие и окостенение, люди постепенно превращаются в безликие существа. Внедрение в бытие принципа первенства экономики, науки и техники над другими сферами социальной жизни формируют примитивный тип человека – Homo economicus, для которого прибыль и деньги становятся мерой, мотивацией жизненных ориентаций и поступков. В современной цивилизации почти все, в том числе человеческое тело, дух и душу, рассматривают через призму коммерческого интереса, забывая, что экономика только часть общественной жизни. Х. Ортега-И-Гасет назвал такого индивида массовым человеком с примитивным мышлением, стандартными понятиями и представлениями. Ради облегчения своей жизни он готов реанимировать первобытные тотемистические инстинкты. Субъекты, идентифицирующие себя с цивилизацией постепенно перестают воспринимать высокие духовные ценности. Для них обществом создается и *массовая культура*, основными чертами которой являются примитивизация человеческих отношений, культ сильной личности, денег, успеха, личного обогащения; пропаганда конформизму в общественном сознании, жестокости, насилия, секса; использование полузапрещенных и возбуждающих тем, образов и художественных средств; искусственные развлечения, натурализм и т.д. Типичными героями маскульты являются всяческие супермены (Джеймс Бонд, Терминатор, Человек-Паук и др.). В такой ситуации происходит диалог между высокой духовной культурой и ее антиподом – массовой культурой. С нормами маскульты, ценностями, культурной продукцией идентифицирует себя “усредненная” личность, для которой телевидение, радио, пресса, интернет транслируют триллеры, детективы, мелодрамы, фэнтэзи, комиксы и другие жанры. Наступление массового производства культурной продукции, глобальная агрессия средств массовой информации не самым лучшим образом влияют на человека.

Человек XXI в. формируется массовой, а не элитарной и народной культурой, которая оперирует примитивными, прямо-

линейными и нередко агрессивными знаками и символами, которые через апелляцию к формам архетипических состояний извращают мир человека и его самого. В результате формируется новый идеал человека, который идет по жизни автономно, ориентируясь только на свои интересы, и с помощью потребления стремится достигнуть единственно значительных гедонистических целей. Это явно выраженный тип носителя массового сознания, ограниченный, прагматический, самовлюбленный, земной, чувственный, сориентированный цивилизацией на потребительство. В итоге массовая культура ведет к утрате национально-культурной идентичности и разрушению культурной индивидуальности.

В диалоге, а точнее в полилоге, состоит доминантная культура с *субкультурами*. Субкультурными общностями в современном обществе являются половозрастные, социально-профессиональные, религиозные, этнические и др. Каждая из вышеназванных категорий общностей порождает субкультуры. Анализ субкультурных образований трансформирующегося постсоветского общества дает основание утверждать, что в 80–90-е гг. XX в. процессы субкультуризации наиболее быстро развивались в молодежной среде. В ней под воздействием деструктивных механизмов возникла идеологическая пустота, и социалистические идеалы и ценности не могли уже адекватно отразить изменившуюся действительность. В то же время межкультурная коммуникация в рамках открытого мирового пространства способствовала трансляции ценностных установок, идеалов и традиций западной культуры. В результате синтеза аккумулированного и устоявшегося национального культурного опыта и цивилизационно-культурного влияния западного общества у молодого поколения периода трансформации быстро складывалась новая структура культурных образцов, правил и кодов. Таким образом, молодежная субкультура явилась результатом поиска некоего нового качества, новой модели «другой цивилизации».

Изучение причин актуализации молодежного движения, феномена бурного роста неформальных организаций показывает, что современные субкультурные образования молодежи являются средством поиска иных способов жизнедеятельности. Сравнительный анализ субкультурных образований в Беларуси и странах Западной Европы свидетельствует: особенностью

молодежной субкультуры является то, что она главным образом ориентирована либо на проведение досуга, либо на передачу и распространение информации. В отличие от Запада белорусская молодежь недостаточно включена в различные социальные программы (помощь больным, инвалидам), экологические движения. Очевидно, такое различие связано с относительной неразвитостью белорусского молодежного движения, процессом становления субкультурных сообществ. Тем не менее есть основания считать, что в условиях общественных трансформаций субкультура становится важным средством эволюционного обновления общества, перехода его в более плюралистическое, толерантное, раскованное.

Модернизация общества вызвала к жизни деловую субкультуру, связанную с предпринимательской деятельностью, разрушенной в процессе социалистических преобразований в СССР в 20-е гг. XX в. В конце 80-х гг. XX в. в Беларуси снова стала возрождаться предпринимательская деятельность.

Исследование функций и задач субкультур в трансформирующемся постсоветском обществе не позволяет нам однозначно оценить процесс их формирования. С одной стороны, это положительное явление, обеспечивающее человеку место в культурной жизни в соответствии с потребностями и интересами, дающее возможность самореализации, способствующее самоидентификации личности и позволяющее ей чувствовать себя частью социальной общности или группы. Все это в период социально-культурной деструкции помогает человеку преодолевать жизненные трудности, психологические конфликты с социумом, другими индивидами и самим собой.

Субкультурная стратификация на этапе социокультурной деструкции выполняет много жизненно важных функций. Одной из них является распределение индивидов по важным для выживания общества социальным позициям. Но наиболее общая ее задача – сдерживание социальной энтропии, предотвращение установления социокультурной однородности индивидов, победа которой может означать гибель социума. Для того чтобы быть устойчивым по отношению к социальным катаклизмам, потрясениям, внешнему давлению, общество должно иметь достаточно сложную структуру. Следовательно, социокультурная дифференциация вносит в общество жизненно необходимое разнообразие, требуемую сложность. Рост

разнообразия – предпосылка преодоления уравнительности, формирование точек роста и развития. Каждый социум должен иметь необходимый «запас прочности» в виде некоторого необходимого разнообразия. Не случайно субкультуры возникают на основе близости у их членов «антиэнтропийных» признаков, т.е. признаков, которые не могут распределяться равномерно по всему обществу.

Социум должен располагать, с одной стороны, традиционными субкультурами, члены которых – приверженцы старых верований и культов, вышедшего из употребления этикета, устаревших идей, жанров и направлений в искусстве, от которых ядро культуры ушло далеко вперед. С другой стороны, ему нужны и инновационные субкультуры, которые, напротив, порождают и культивируют неосвоенное, выступая в качестве своеобразных лабораторий будущего, осуществляющих натурные эксперименты над возможными путями развития общества. И инновационные, и традиционные субкультуры функционально необходимы: для того чтобы какая-либо назревшая потребность в социокультурных изменениях могла быть реализована, в обществе должны присутствовать субкультуры с соответствующим содержанием. Только тогда в ответ на ту или иную потребность в изменении оно сможет тут же отреагировать выдвиганием опробованной инновации. Традиционные же субкультуры – хранители «прошлых» ценностей – не только не позволяют чересчур радикальным субкультурам демонтировать ядро культуры, но, если ситуация потребует возврата к традиционным ценностям, готовы тут же предложить их обществу.

Отсутствие или недостаток разнообразия субкультур активизирует деструктивные тенденции в социуме. Когда общество бедно субкультурами, в особенности теми, которые культивируют инновации, как это бывает в культуре «тоталитарного консерватизма», в нем всегда будут ощущаться тенденции к стагнации, недостаток преобразующих возможностей. Напротив, разнообразие «культурной» структуры общества, богатство его субкультур свидетельствуют о нарастании антиэнтропийных тенденций, больших возможностях развития, а сами субкультуры предстают как своеобразные носители этих возможностей.

В рамках субкультурных образований трансформирующегося общества осуществляются становление и формирование

личности, т.е. реализуются процессы социализации. Поэтому влияние субкультур на разных возрастных этапах неодинаково. В этом, возможно, объяснение того, что среди общностей людей разных возрастов наиболее ярко выражены молодежные субкультуры.

Субкультура обеспечивает также поиск единомышленников и общение внутри группы, достаточно высокую степень самооценки каждого члена группы, сохранение специфических особенностей, присущих данной субкультуре. Кроме того, развитие субкультур приводит к внутренней замкнутости, к ограничению культурных ценностей только рамками своей общности или группы, к отказу от ориентации на ценности «высокой» культуры. Это лишает их подлинного динамизма, адаптации к изменениям жизненных ситуаций, гибкости к появлению и восприятию новых социокультурных ценностей.

Исследование современной социокультурной ситуации в Республике Беларусь показывает, что в условиях социально-культурной деструкции получили развитие криминальная субкультура и контркультурные тенденции. Их присутствие и нарастание следует связывать с властной необходимостью обновления, с развитием соответствующих антистатических, неравномерных состояний и процессов. В данном вопросе наши соображения во многом совпадают с мыслями З. Фрейда, высказанными им в его известной работе «Неудобство культуры». «Трудно не просто отличить, – пишет З. Фрейд, – инновации, имеющие целью замену одних конкретных исторических форм другими, более адекватными и оптимальными, – от порывов к отказу от культуры вообще, к отрицанию самих ее устоев» [3, с. 299]. Контркультурные тенденции, с нашей точки зрения, – явление весьма неоднозначное, амбивалентное. Они парадоксальным образом сочетают в себе позитив и негатив, конструктивные по целям и деструктивные тенденции. Видимо, современное белорусское общество находится в процессе контркультурного размежевания. Рождаются новые социокультурные группы, имеющие специфический менталитет, образ жизни, ценностные установки. Исследование динамики культуры показывает, что противостояние господствующей культуре, рождение новых ценностных и практических установок – процесс, постоянно воспроизводящий себя в мировой культуре. Всякая новая культура, культура конкретной эпохи

возникает в процессе осознания кризиса предшествующей социокультурной парадигмы. В контркультурных феноменах, возникающих в реформируемом белорусском обществе, следует усматривать не только разрушительные механизмы, но и мощные катализаторы культурно-исторического развития.

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

2. *Библер, В. С.* Нравственность. Культура. Современность (Философские размышления о проблемах). – М., 1990. – С. 7–8.

3. *Фрейд, З.* Неудобства культуры / З. Фрейд // Фрейд З. Художник и фантазирование : пер. с нем. / под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова.

П. И. Бондарь,
д-р исторических наук, проф.,
проф. каф. культурологии БГУКИ

ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОИСК КОНЦЕПТА И ТЕХНОЛОГИЙ ФОРМИРОВАНИЯ

Имидж (ценностно-мотивированный образ в общественном сознании) современного государства является интегрированным индикатором независимости и единства страны, ее культуры и цивилизованности, авторитета, престижа и привлекательности. В этом феномене воплощаются достоинства и недостатки государственного механизма, степень демократичности политико-властных отношений, специфика национального менталитета и поведения граждан.

Глобализация в ее экономическом, политическом, социально-культурном измерениях противоречиво влияет на динамику развития национальных государств, их *статус* и *имидж* в мировом сообществе.

Взаимозависимость и взаимодействие стран, народов, регионов мира, проницаемость границ, распространение инновационных знаний и технологий открывает возможности для повышения благосостояния, укрепления созидательно-творческого потенциала каждого государства.

Вместе с тем экспансия капитализма, деятельность наднациональных структур, транснациональных корпораций, актив-